

9. Serebruev I. V. Prestuplenija, posjagajushhie na dobrosovestnost' konkurentnyh otnoshenij: genezis, sistema, ugolovno-pravovaja harakteristika : dis. ... kand. jurid. nauk [Crimes that infringe on the integrity of competitive relations: Genesis, system, criminal law characteristics : author's abstract of diss. ... PhD. in law]. Yekaterinburg, 2016. 262 p. (In Russ.).

10. Talan M. V. Prestuplenija v sfere jekonomicheskoy dejatel'nosti: voprosy teorii, zakonodatel'nogo regulirovanija i sudebnoj praktiki : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Crimes in the sphere of economic activity: issues of theory, legal regulation and court practice : author's abstract of diss. ... Dsc. in law]. Kazan, 2002. 43 p. (In Russ.).

11. Shubina I. B. Zrelishe v kul'ture : dis. ... kand. filosof. nauk [Spectacle in culture : author's abstract of diss. ... PhD. in philosophy]. Rostov-on-Don, 2005. 146 p. (In Russ.).

УДК 343.1

Предпосылки становления процессуального порядка начала производства по уголовному делу в российском законодательстве XI–XVII вв.

В. А. КРЫМОВ – адъюнкт Академии управления МВД России

Р е ф е р а т

В статье рассматриваются такие знаковые для науки отечественного уголовного процесса законодательные акты, как Русская Правда (XI–XV вв.), Псковская судная грамота (1397–1467 гг.), Новгородская судная грамота (1440–1471 гг.), Судебник князя Ивана III (1497 г.), Судебник царя Ивана IV (1550 г.) и Соборное уложение (1649 г.), на предмет непосредственного начала производства по уголовному делу. Статья условно разделена на три части: в первой приводятся отличительные признаки уголовного процесса XI–XII вв., обвинение по которому осуществлялось в частном порядке; во второй – основное внимание уделяется нормативным актам XIV–XVI вв., закрепившим публичные начала при осуществлении уголовного преследования; в третьей – исследуются нормы Соборного уложения 1649 г. – первого в истории России кодифицированного акта, в котором свое развитие получили система следственных действий и производство по отдельным категориям лиц. В каждом историческом периоде отражены черты и основные признаки действовавших законодательных норм, явившихся предпосылками становления процессуальных правил производства по уголовному делу, отдельные из которых и сегодня действуют в российском уголовном судопроизводстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а : начало производства по уголовному делу; жалоба; иск; процесс; следственные действия.

Preconditions for establishment the procedural order for initiation of proceedings in a criminal case in the Russian legislation of the 11th-17th centuries

V. A. KRYMOV – Post graduate of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Abstract

The article considers legislative acts that are significant for the science of the domestic criminal process. Among them: Russian Truth (XI-XV cc.), Pskov Court Charter (1397–1467), Novgorod Court Charter (1440-1471), Law Book of Duke Ivan III (1497), Law Book of Tsar Ivan IV (1550) and Russian Law Code (1649). The provisions of these monuments of the history of Russian law concerning the direct initiation of the proceedings in the criminal case are analyzed, and their assessment is given. The article is conditionally divided into three parts. In the first part the distinguishing features of the criminal process of the 11th-12th centuries are given, the charge of which was carried out privately. The second part

focuses on the normative acts of the fourteenth and sixteenth centuries, which fixed in their provisions public principles in the implementation of criminal prosecution. The third part is devoted to the study of the norms of the Russian Law Code of 1649 – the first codified act in the history of Russia, in which the system of investigative actions and production for certain categories of persons received their development. In each historical period the features and main traits of the current legislative norms, which were the prerequisites for the establishment of procedural rules for criminal proceedings are reflected, some of which are still in effect in Russian criminal proceedings.

Key words: initiation of proceedings in a criminal case; a complaint; claim; process; investigative actions.

Первым нормативным актом, содержащим предпосылки образования уголовного процесса в России, на наш взгляд, стала Русская Правда в трех известных на сегодняшний день редакциях – Краткой (XI в.), Пространной (XII–XIII вв.) и Сокращенной (XV в.). Наибольший интерес вызывает Пространная, поскольку она объединила в себе предыдущие нормы с новыми, потребность в которых возникла в ходе правоприменения на протяжении двух столетий.

Согласно Пространной редакции Русской Правды уголовное преследование виновного осуществлялось в порядке частного обвинения, поскольку собирали доказательства (поддерживали частное обвинение) сами потерпевшие, после чего вершили суд. Данное обстоятельство подтверждается содержанием п. 18: «Аще будет на кого поклепная вира, то же будет послуховъ 7, то ти выведуть виру, паки ли варягъ или кто инъ, то два» («Если кого-либо будут обвинять в убийстве по подозрению, то пусть выставят семь свидетелей, которые снимут это обвинение в убийстве; если обвиняемый будет варяг или какой-либо другой иноземец, то выставить двух свидетелей»), п. 21: «Искавшие ли послуха и не налѣзуть истѣця начнеть головою клепати, то ти имъ правду желѣзо» («Если ответчик станет искать свидетелей и не найдет их, а истец будет обвинять его в убийстве, то пусть дело решится испытанием железом») [10] и др.

Несмотря на отсутствие подобных норм в Краткой редакции Русской Правды, ее содержание прямо указывает на их частный характер, предусматривающий наказание за причинение смерти, вреда здоровью, имущественного вреда частным лицам, а не государству или его институтам. В этой связи справедлива позиция Д. Г. Тальберга, согласно которой «в рассматриваемый период истории русского права нет еще ясного представления об общественном вреде и интересе, и на преступление существует частно-правовой взгляд» [9, с. 67].

Свидетельством того, что производство по делу начиналось с заявления постра-

давшего лица, служит п. 32 «О челяди» Пространной редакции Русской Правды, согласно которому «А челядинъ скрывается, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познають и третии день, то свои челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи» («Если челядин скроется и объявят о нем на торгу, а в течение трех дней его не вернут, то, если опознают его на третий день, господину забрать своего челядина, а тому укрывателю заплатить три гривны штрафа князю»). На наш взгляд, под объявлением на торгу следует считать публичное заявление о нарушенном праве частного лица. Данная норма была призвана обеспечить поддержку потерпевшему от преступления со стороны общества в изобличении виновного лица.

Однако начало производства по уголовному делу может быть связано и со сводом, о чем свидетельствует п. 13 Краткой редакции, а также п. 35 Пространной редакции Русской Правды. Содержание указанных норм сводится к тому, что, когда обнаружено краденое имущество, потерпевшему следует пойти на свод, то есть выяснить, каким образом вещь, принадлежащая ему, оказалась в руках неправомерного собственника.

В этой связи не представляется возможным согласиться с позицией О. В. Бобровского [2, с. 11–12], а также Е. В. Марковичевой и В. Ф. Васюкова [3, с. 19], согласно которой процедура свода инициировалась только по заявлению, ибо это утверждение прямо противоречит п. 13 Краткой редакции и п. 35 Пространной редакции Русской Правды.

Таким образом, свод, производство которого допускалось как при отсутствии, так и при наличии заявления, олицетворял собой совокупность сыска и очной ставки. Представляя собой по существу предварительное расследование по обнаруженному преступному факту, свод был направлен на изобличение виновного и возмещение потерпевшему причиненного ущерба, что в полной мере соответствовало той роли, которая отведена сегодня стадии возбужде-

ния уголовного дела в части реагирования должностных лиц на сообщения о совершенных преступлениях и обеспечения гражданам доступа к правосудию.

Учитывая изложенное, следует сделать вывод, что уже в XI–XII вв. начало производства по уголовному делу приобрело характер частного обвинения, о чем свидетельствуют следующие признаки:

- начало производства связывалось с процедурой «закличуть и на торгу» (объявления на торгу) о нарушенном праве, а по сути – подачи заявления о совершенном преступлении в устной форме. Однако данное заявление преподносилось, когда самостоятельно пропажу найти не удавалось. В случае же обнаружения утраченного в результате преступного деяния до «подачи заявления» производилась процедура свода, при этом необходимость в объявлении на торгу отпадала;

- состязательность процесса;
- равные права сторон процесса (истцов);
- важная роль при разбирательстве свидетелей – «видок» (очевидец) и «послух» (лицо, которое не являлось очевидцем преступления, однако обладало определенными сведениями о нем либо о личности участников процесса – истцов). Сегодня совокупность этих понятий лежит в основе понятия «свидетель»;

- возможность прекращения дела примирением (уплатой причиненного вреда потерпевшей стороне).

Начало производства по отдельным категориям дел имело отличительные черты. Например, начало производства по делу о побоях связывалось с наличием их следов, при их отсутствии – с обвинением, поддерживаемым не менее чем двумя очевидцами. На данное обстоятельство указывает и О. В. Бобровский [1, с. 13].

Тем не менее дела об убийстве начинались как при наличии трупа, так и при его отсутствии в случае явных улик по заявлению родственников, а также могли инициироваться князем, церковью, общинами и их представителями при наличии трупа, что является, на наш взгляд, предпосылкой зарождения института публичного обвинения.

Свидетельством укрепления централизации государственной власти на Руси с конца XIV в. и до конца XVI в. стал ряд законодательных актов, среди которых Псковская судная грамота (1397–1467 гг.), Новгородская судная грамота (1440–1471 гг.), Судебник князя Ивана III (1497 г.) и Судебник царя Ивана IV (1550 г.).

Характерной чертой указанных нормативных актов являлось то, что, в отличие от Русской Правды, свершение правосудия находилось в руках государства. Псковской судной грамотой предусматривался осмотр места происшествия, о наличии которого можно судить по норме, содержащейся в п. 25: «Или помы той ж истец, на ком сочат разбоя, не почнет слатся на послуха, ино штоб не слался один истец, ино господе послать с суду своих людей; а которой не слался, ино его в том не повинити, что не слался. А то, господе от Пскова...» («Если ответчик, которого обвиняют в разбое, не будет ссылаться на послуха, то, чтобы не дать преимущества одной стороне, судебная власть должна послать к суду своих людей для исследования дела на месте, а что ответчик не представил своего послуха, то ему в вину не ставить, потому что это для Псковской судебной власти не имеет значения...») [5].

Помимо этого, грамота предусматривала необходимость заявления об обнаруженном преступлении не только лицом, которому причинен какой-либо ущерб, но и любым другим лицом, выявившим данное преступление (п. 35): «А у котораго Псковитина, у какова о учинится татба в Пскове, или пригороде, или в сели на волости, ино явити старостам или околным суседом, или иным сторонным людем; а в пиру, ино к пировому старосте, или пивцама вिति...» («При обнаружении кражи, совершенной у кого бы ни было в Пскове, пригороде или в селе какой-либо волости, обязательно следует об этом заявить старостам, или ближайшим соседям, или другим посторонним лицам; если кража совершена на пиру, то пировому старосте или участникам пиршества...»).

Между тем Псковская судная грамота сохраняла и частные иски, предусматривая при этом для отдельных лиц (женщина, несовершеннолетний, старец, больной, увечный, монах, монахиня) при предъявлении иска о долге по доскам право нанять на поединок наймита (п. 37), то есть законного представителя или адвоката, который будет представлять их интересы в суде. Пунктом 46 грамоты было предусмотрено требование к содержанию заявления о том, что в нем необходимо указать перечень отыскиваемого, иначе иск будет потерян. При соблюдении данного требования с поименным обозначением отыскиваемых вещей дело заканчивалось судебным разбирательством (п. 102). Данные нормы еще раз подчеркивают преемственность действующего законодательства.

Предусматривалось примирение и освобождение от штрафа участников драки до судебного разбирательства, условием которого было необращение к судебному приставу (п. 81).

Новгородская судная грамота (в три раза меньшая по объему, чем Псковская судная грамота) содержит в большей степени нормы гражданского права и процесса. Однако именно она впервые закрепила право встречного иска (заявления), которое используется в гражданском и уголовном судопроизводстве и сегодня. Так, п. 13 гласит: «Встречный иск рассматривался лишь в пределах одного и того же судебного дела...» [4].

Что касается сроков уголовного судопроизводства, то Новгородская судная грамота содержала нормы, согласно которым лицо, рассматривающее спор, при несоблюдении установленного срока подвергалось штрафу в размере пятидесяти рублей в пользу великого князя и Новгорода с последующим привлечением к рассмотрению дела представителей высшей судебной инстанции (п. 28, 29). Проводя аналогию с УПК РФ, следует отметить, что норма о разумном сроке уголовного судопроизводства (ст. 6¹) не предусматривает привлечения к ответственности лица, нарушившего процессуальный срок, однако представляется, что наличие штрафа за подобное нарушение способствовало бы соблюдению установленных сроков.

Следует отметить и то, что по данной грамоте под угрозой наказания находилось как нарушение порядка общественной жизнедеятельности, так и противоправная деятельность лиц, осуществляющих правосудие.

Пунктом 2 Судебника князя Ивана III (1497 г.) введена новая норма, касающаяся подсудности и обязательности приема жалоб, что позволяет выдвинуть тезис об актуальности проблемы своевременного начала производства по уголовному делу, иначе бы такая норма, как представляется, в судебнике бы отсутствовала: «А кто придет к боярину с жалобой, и ему жалующихся от себя не отсылать, а давать всем приходящим с жалобами управу во всем, кому надлежит. А кого из жалующихся боярину самому нельзя удовлетворить (его просьбу), и то (дело) сказать великому князю или к тому его (жалующегося) послать, которому таких людей приказано ведать» [7].

При этом Судебник царя Ивана IV (1550 г.) указанную норму дополнил п. 7, предусмо-

трив ответственность лица, осуществляющего правосудие, за неприем жалобы, а также жалобщика за обращение к царю «не по делу»: «...и тем, которые управы не учинят, быти от государя в опале. А которой жалобник бьет челом не по делу и бояре ему откажут, и тот жалобник учнет бити челом, докучати государю, и того жалобника вкинути в тюрьму» [8].

Помимо этого была введена ответственность за ложный донос: «А кто виноватой солжет... и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнью, биты кнутъем, да вкинути в тюрьму», а также за лжесвидетельство: «...а послухи бы, не видеви, не послушествовали, а видеви сказали б в правду. А послух опослушествует, не видеви, лжыво, а обыщется то о после, ино на виноватом послухе гибель исцова и убытки все, а вине казнити торговою казнью» (п. 6 и 99 соответственно).

Впервые на законодательном уровне была закреплена норма (п. 98), содержащая возможность дополнения нормативного акта в связи с новыми делами, не предусмотренными настоящим судебником.

Таким образом, важными элементами, появление которых в XIV–XVI вв. способствовало формированию процессуального порядка начала производства по уголовному делу, стали:

- закрепление публичных начал с сохранением частных;
- появление наряду с состязательным розыскного процесса;
- развитие системы следственных действий;
- обязательное сообщение об обнаружении преступления;
- появление требований к содержанию жалобы (иска, заявления);
- возможность подачи встречного иска;
- угроза применения наказания за нарушение сроков рассмотрения исков;
- появление нормы о подсудности;
- введение ответственности за отказ в приеме заявления (жалобы) о преступлении, ложный донос и лжесвидетельство.

Со второй половины XVII в. до середины XVIII в. основу уголовного судопроизводства составляли нормы Соборного уложения царя Алексея Михайловича (1649 г.). Анализ данного законодательного акта позволил выделить его основные черты в части начала производства по уголовному делу.

Во-первых, уложение, сохранив во многом нормы Судебника царя Ивана IV (1550 г.), представляет собой первый кодифициро-

ванный законодательный акт в истории России, включивший в себя 25 глав, регламентирующих разные стороны жизни общества, в числе которых гл. X «О суде», гл. XII «О суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян», гл. XIII «О монастырском приказе», а также гл. XXI «О розбойных и о татинных делех».

Во-вторых, розыскной процесс, содержащий публичные начала, получил развитие в связи с укреплением централизованной власти, сосредоточенной в Москве.

В-третьих, когда на суде выяснялось о недобросовестном иске, к истцу применялась не торговая казнь, как в Судебнике 1550 г., а взималась плата за каждый день с момента подачи иска: «А будет кто на ком учнет чего искать поклепав напрасно, и с суда сыщется про то допряма, что он искал поклепного иску, хотя кого испродать напрасно, и на таких исцах за напрасную их продажу править ответчиком проести по гривне на день, с того числа как судное дело зачнется, да по то число, как то судное дело вершится, чтобы им и иным таким вперёд неповадно было такими своими поклепными иски никого убытчить напрасно» (п. 18 гл. X).

В-четвертых, в части требований к содержанию иска в п. 102 гл. X отмечалось, что в ситуации, когда «...истец в и(ы)сковой своей челобитной иску своему цены не напишет, и того ответчика без суда не винити, а велеть исцу исковую челобитную переписать... иск свой написати с ценою». Таким образом, следует сделать вывод, что норма действующего законодательства, позволяющая мировому судье возвратившемуся лицу его заявление для устранения недостатков, берет свое начало в п. 102 гл. X, который в свою очередь объединил в себе нормы п. 46, 102 Псковской судной грамоты 1397 г.

В-пятых, дальнейшее развитие получила система следственных действий и участвующих в них лиц. Так, например, предусматривались обыск и очная ставка: «А будет истец или ответчик, которой по тем обыском будет обвинен... и дати им очную ставку...» (п. 162 гл. X), участие понятых, которые являлись сторонними людьми: «...А будет с тем недельщиком будут в понятых сторонния люди...» (п. 142 гл. X).

В-шестых, при подаче повторного иска, по которому суд уже состоялся и закончился

примирением или оправданием ответчика, суда истцу не давали и назначали наказание, то есть отказывали в приеме иска. При этом в пользу ответчика могли быть взысканы с истца денежные средства из расчета на каждый день волокиты (п. 154 гл. X).

В-седьмых, в п. 251 гл. X речь идет, как представляется, о вымогательстве, за которое предусматривалось несколько наказаний, в том числе публичных и жестоких в пример остальным. При этом примечательным для процессуального порядка начала производства по уголовному делу является то, что данной нормой предусмотрены сроки обращения лиц по данному преступлению и порядок первоочередных проверочных действий: «А будет кто, умысля воровски... велит ему к той крепости руку приложити, или ему велит написать в чем нибудь заемную кабалу своею рукою неволею, и тому, над кем такое дело учинится, в том на того, кто над ним такое дело учинит, являти окольным людям, и в приказех судьям, а в городех воеводам, и приказных людям подавати явки, после того, как над ним такое дело учинится, *того же дни*, и бити челом на тех людей, которыя над ним такое дело учинят, *об очной ставке и о сыску вскоре, дни в три, или в четыре и большое в неделю*. Да будет кто о таком деле на кого учнет бити челом, и судьям и воеводам и всяким приказным людям по тому челобитью, сыскивая тех людей, на кого такое челобитье будет, *роспрашивать и с челобитчики ставити с очей на очи, и сыскивати всякими сыски накрепко, а будет дойдет до пытки, и тех людей пытать*, до кого дойдет...» (курсив – В. К.) [6].

В-восьмых, Соборное уложение 1649 г. в гл. X (самая объемная – 282 пункта) содержало общие для всех нормы, однако предусмотрело судопроизводство в отношении определенных категорий граждан в отдельных главах. Нормы данных глав содержали положения о месте производства суда, например: «На патриарших приказных и на дворовых людей и на детей боярских и на крестьян и на всяких чинов людей, которые живут в патриарших в домовых вотчинах, во всяких делех суд давати безсрочно на патриарше дворе» (п. 1 гл. XII). Кроме того, согласно гл. XIII, XXI судопроизводство наряду с общими положениями осуществлялось по Монастырскому и Разбойному приказам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобровский О. В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 27 с.

2. Бобровский О. В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007. 161 с.
3. Марковичева Е. В., Васюков В. Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе : моногр. М., 2016. 80 с.
4. Новгородская судная грамота. URL: <http://lawbook.online> (дата обращения: 20.12.2017).
5. Псковская судная грамота. URL: <https://ru.wikisource.org> (дата обращения: 20.12.2017).
6. Соборное уложение 1649 г. URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 24.12.2017).
7. Судебник 1497 г. URL: <http://lawbook.online/gosudarstva-prava/sudebnik-1497-goda-28605.html> (дата обращения: 22.12.2017).
8. Судебник 1550 г. URL: <http://lib.uni-dubna.ru> (дата обращения: 22.12.2017).
9. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. Киев, 1889. Т. 1. 328 с.
10. Ярославский список Правды Русской : Законодательство Ярослава Мудрого / сост. Н. А. Грязнова, Д. К. Морозов. Ярославль ; Рыбинск, 2010. 272 с.

REFERENCES

1. Bobrovskij O. V. Ugolovnyj i grazhdanskij process po Russkoj Pravde : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Criminal and civil proceedings in the Russian Truth : abstract of diss. ... PhD. in Law]. Kazan, 2007. 27 p. (In Russ.).
2. Bobrovskij O. V. Ugolovnyj i grazhdanskij process po Russkoj Pravde : dis. ... kand. jurid. nauk [Criminal and civil proceedings under the Russian Truth : diss. ... PhD. in Law]. Tolyatti, 2007. 161 p. (In Russ.).
3. Markovicheva E. V., Vasjukov V. F. Problemnye voprosy возбуждения уголовных дел на современном этапе: monogr. [Problematic issues of initiation of criminal proceedings at the present stage : monograph]. Moscow, 2016. 80 p. (In Russ.).
4. Novgorodskaja sudnaja gramota [The Novgorod judicial Charter]. Available at: <http://lawbook.online> (accessed 20.12.2017). (In Russ.).
5. Pskovskaja sudnaja gramota [Pskov judicial Charter]. Available at: <https://ru.wikisource.org> (accessed 20.12.2017). (In Russ.).
6. Sobornoe ulozhenie 1649 g. [The Cathedral code of 1649]. Available at: <http://www.hist.msu.ru>. (accessed 24.12.2017). (In Russ.).
7. Sudebnik 1497 g. [Trial 1497]. Available at: <http://lawbook.online/gosudarstva-prava/sudebnik-1497-goda-28605.html> (accessed 22.12.2017). (In Russ.).
8. Sudebnik 1550 g. [Trial 1550]. Available at: <http://lib.uni-dubna.ru> (accessed 22.12.2017). (In Russ.).
9. Tal'berg D. G. Russkoe уголовное судопроизводство : posobie k lekcijam. [Russian criminal proceedings : a handbook for the lectures]. Kiev, 1889. Vol. 1. 328 p. (In Russ.).
10. Jaroslavskij spisok Pravdy Russkoj: Zakonodatel'stvo Jaroslava Mudrogo / sost. N. A. Grjaznova, D. K. Morozov [Jaroslav list of the Truth of the Russian: Legislation of Yaroslav the Wise; comp. N. A. Gryaznova, D. K. Morozov]. Yaroslavl ; Rybinsk, 2010. 272 p. (In Russ.).

УДК 343.8

К вопросу о распространении экстремизма в исправительных учреждениях

С. Н. ЦИПИЛЕВ – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России

Реферат

Вопросы экстремистской деятельности в современной России представляются крайне важными. Исторически подобного рода действия использовались преступниками в качестве незаконного средства решения социальных, экономических и политических противоречий.

Актуальность проблемы распространения экстремизма в Российской Федерации не вызывает сомнений. Экстремистская идеология подрывает основы конституционного строя, отрицая этническое и религиозное многообразие, ведет к нарушению прав человека, угрожает стабильному сосуществованию наций и социальных групп в обществе, утверждению и развитию демократических ценностей.

Правоохранительными органами Российской Федерации ведется повсеместная и целенаправленная работа по раскрытию преступлений экстремистского характера и террористической направленности, что приводит к увеличению количества лиц, осужденных за подобные преступления.

Помимо этого, зачастую в учреждениях уголовно-исполнительной системы отбывают наказание осужденные, придерживающиеся экстремистской идеологии,